

Да наши по ночам в разведку рыщут –
Европе забивают в дуло кляп.
Но вот беда! Блиндаж в четыре ската
не выдержал... Полно прорех и дыр...
Ну, подождите, brave ребята,
я покажу вам и войну и мир.

* * *

Севастопольские антиквары,
археологи, нумизматы,
как пещерные люди, стары,
а иные, как я, бородаты.
Соблюдают свою заботу.
Как цари, снисходительно-зорки,
соберутся опять в субботу
за Петром и Павлом, на взгорке.
И тряхнут из мешков забавой
в память всех, кому к нам неймётся:
штык покажут фашистский ржавый,
кортик аглицкого флотоводца.
Ишь, глаза разбегутся сами!
Как на пуговики не подивиться
эти кругленькие, с номерами
полков ли французских, дивизий?
А турецкие бурые фески?
А щербатый тесак зуава?
Хороша ты, в хламе и блеске,
Экспедиции трубная слава.
Тут отметились все понемножку.
И монголы мелькнули, и готы.
И бренчит мамалыжная ложка
в котелке румынской пехоты.
Но советских времён гранаты
как с иголочки, вижу, одеты...
Чу!.. зовут к себе нумизматы.
В их тетрадках тяжких – монеты.
– Вам динарий римский, старинный?
Он – в особой цене и весе.
Но за бухтой у нас Карантинной
свой монетный двор в Херсонесе.
Потому византийцев – обилье.

Потому-то с небрежной лаской
Македонца деньгу Василья-
базилевса тут кличут «Васькой».
Глянь, Михайло Третий, медяшка.
Его Васька спровадил с трона.
Хоть Михайло и пил, бедняжка,
порешили его беззаконно.
Все монеты по-своему дивны.
Но от гривней новейших отрыжка.
Вот, зато, настоящие гривны –
новгородское серебришко.
Не раззявы тут, не идиоты.
Разумения наши крепки,
и в обмен не берём банкноты
заслюнявленного мазепки.
Да, разгулка у нас неплохая.
Не одни лишь купюры-монеты.
Хошь, шальвары Бахчисарая,
хошь, Мицкевича сыщем сонеты.
– Хорошо у вас на досуге
побродить. Память держите в силе.
Ну, а, может, что слышали, други,
о Философе, о Кирилле?
– Навестил нас и он в годы стары.
На епископском жил подворье
и отсель отлучался в Хазары.
Но о том – распытай у моря...
Впрочем... Тут старикан приходит
раз в году, напогрев, в апреле.
Книгу держит, евангеля вроде.
Буквы в ней разберёшь еле-еле.
«Эту самую книгу, – кажет, –
русским слогом в ту пору сложили,
чтоб Философа ею уважить,
чтоб дерзанье возжечь в Кирилле...
Он и взял те знаки – аз-бу́ки,
и кириллицей их назвали.
А без этой подсказки – дудки! –
сам придумал бы их едва ли...»
Так – не так? Приезжай ближе к маю.
Может, дедку того и встретишь.

Ну, а где он ютится, не знаю,
только книга – совсем уже ветошь...

АДМИРАЛЬСКИЙ СОВЕТ

Все сроки вышли – дней, часов, минут.
Три адмирала терпеливо ждут
на свой совет коснеющего брата.
До Графской пристани от Северной волна
доставит чёлн четвёртого. Молчат
сопровождающие адъютанты.
Горячий полдень онемел над бухтой.
Прощай, волна. Тенерь – недалеко:
на городском холме, где, знает сам он,
назначен их торжественный совет.

Что рассуждать о долге, славе, чести?
Краеугольные четыре – вместе.
Летят четыре лёгкие корвета
в четыре стороны земного света.
Четыре ветра веют без обмана
в четыре поднебесных океана.
В четыре компас указывает шири.
Евангелий у Бога сколь? – Четыре!

У синего креста на белом поле
про нас четыре суть угла, не боле.
Возляжем же крестом на ложе склепа,
плечом к плечу. Надёжна смерти скрепа.
Ты, Лазарев! Корнилов, ты! Истомин!
И ты, Нахимов!.. Общий срок исполнен.
Мы дождались друг друга. Снова вместе.
К чему ж слова о долге, славе, чести?

Над Севастополем, как прежде, канонада.
От запада ещё одна армада
вспухает тучей. Всё-то им неймётся.
Ползут. Наглеют. Щурят хищный глаз.
Но свой совет четыре флотоводца
с тех пор не прерывают ни на час.